

ПРИНАДЛЕЖИТ ЛИ ПАКИСТАН ЮЖНОЙ АЗИИ?

© 2023

В. Я. Белокреницкий¹

Анализируя вопрос о принадлежности Пакистана региону Южной Азии в прошлом и настоящем, автор касается проблемы отношений государств и регионов. По заключению автора, Пакистан вписывается в рамки Южной Азии, которая в колониальное время называлась чаще всего Индийским субконтинентом. В то же время Исламская Республика Пакистан занимает окраинное, лимитрофное положение по отношению к сердцевине Южной Азии — Республике Индия. В сходном качестве пограничного государства Пакистан выступает и по отношению к более обширному и гетерогенному региону Ближнего и Среднего Востока. Автор отмечает также растущую роль страны как транзитной зоны, соединяющей Китай с государствами Аравии и Персидского залива и открывающей пути выхода к мировому океану для республик Центральной Азии и Афганистана, а через них и для России. Историческая тенденция, выявляемая в статье, состоит в эволюции Пакистана от чисто южноазиатской страны к стыковой, находящейся на границе ряда ключевых геополитических ареалов.

Ключевые слова: Пакистан, Южная Азия, Ближний и Средний Восток, Китай, Центральная Азия

Для цитирования: Белокреницкий В. Я. Принадлежит ли Пакистан Южной Азии? *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 222–236. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-222-236

DOES PAKISTAN BELONG TO SOUTH ASIA?

Vyacheslav Y. Belokrenitsky

Analyzing the question of Pakistan belonging to the South Asian region in the past and present, the author touches upon the problem of relations between states and regions. According to the author's conclusion, Pakistan fits into the framework of South Asia, which in colonial times was most often called the Indian subcontinent. At the same time, the Islamic Republic of Pakistan occupies a marginal, limitrophe position in relation to the core of South Asia, the Republic of India. Pakistan stands in a similar position as a border state in relation to the larger and heterogeneous region of the Near and Middle East. The author also notes the growing role of the country as a transit zone connecting China with the states of Arabia and the Persian Gulf and opening ways to the World Ocean for the Republics of Central Asia and Afghanistan, and through them for Russia. The historical trend revealed in the article is the evolution of Pakistan from a purely South Asian country to a liminary country, located on the frontier of a number of key geopolitical areas.

Keywords: Pakistan, South Asia, Near and Middle East, China, Central Asia

For citation: Belokrenitsky V. Y. Does Pakistan Belong to South Asia?. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 4. Pp. 222–236. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-222-236

---

¹ Белокреницкий Вячеслав Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, зав. Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; enitsky@yandex.ru

Vyacheslav Y. Belokrenitsky, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Centre for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; enitsky@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8471-928X

Прежде чем обсуждать вопрос, поставленный в заглавии статьи, коснемся в самом общем виде проблемы государства и региона. В наше время она является весьма актуальной как с практической, так и теоретической точки зрения. Достаточно напомнить такие пары понятий, как Израиль и Ближний Восток, Турция и Европа, Египет и Африка. Во всех этих случаях, как и в случае с Пакистаном и Южной Азией, речь идет о государстве и регионе. Два этих понятия представляются ключевыми для ряда международно-политических явлений. Вместе с тем неверно и переоценивать их значимость, поскольку понятие регион имеет два аспекта — географический и институциональный. Последний стал подлинно значимым в основном лишь после окончания Второй мировой войны. Что было во многом связано с тем, что мировые лидеры эпохи холодной войны, особенно США, стремились выйти за узкие пространственные рамки (см: [Deutch, 1966]). Вместе с тем чисто институциональный, формирующийся на базе экстрагеографических организационных рамок и принципов регион, — явление достаточно редкое. К ним в современный период можно отнести БРИКС, ОПЕК+ и ряд других. В основном же такие глобального масштаба регионы (в понимании — территория совокупности государств) имеют нередко некоторую географическую привязку. Так, например, такой культурно-цивилизационный ареал, как ОИС (Организации Исламского сотрудничества), объединяет страны одного широтного пояса от Брунея и Индонезии на востоке до экваториальной части Южной Америки на западе (Гайана и Суринам).

Южная Азия — это геополитический регион, сформировавшийся на определенном этапе на базе явственно очерченной ландшафтной и географической среды². К этому можно добавить единство геологического происхождения и наличие специфических метеорологических условий [Чарпан, 2009]. Сам термин возник относительно недавно, и вопрос о его происхождении, казалось бы, простой на первый взгляд, имеет свои нюансы. В начале статьи мы коснемся этого сюжета, затем проследим за сдвигами, связанными с изменением границ Пакистана и его новым местом на политической карте мира.

Южная Азия как Индостан, Индия

При всей очевидности ассоциации региона Южной Азии с его центральным компонентом, Республикой Индия, такая связь формировалась достаточно долго. Блестящий анализ появления и развития связанной с этим терминологии дает И. П. Глушкова во вступительном очерке к третьему тому серии «Под небом Южной Азии». Опираясь на специальные исследования, выполненные индийскими, европейскими и американскими исследователями, она демонстрирует современное состояние дел с употреблением и трактовкой термина Южная Азия в специальной литературе, характеризует «топонимические повороты и перевороты», имеющие место главным образом в общественно-политической индийской среде. При этом автор не придает особого значения Пакистану как одному из семи государств, входящих в регион («семерка под небом»), но указывает на условия, при которых возник и претерпевал изменения сам термин «Пакистан» и входящие в него территориальные компоненты [Глушкова, 2016, с. 16–17, 24]. Безусловная индоцентричность позиции автора не отменяет ценности ее построений, но оставляет место для иных ракурсов и интерпретаций.

Следует указать, что в английской литературе колониального периода долгое время господствовал термин Индостан, или Хиндустан, обозначавший полуостров с прилегающей

² Различая эти понятия, В. В. Макаренко, указывает, что географическая среда исторична и включает в себя ландшафтную как «предел и потенциал своего развития» [Макаренко, 1992, с. 136].

материковой частью — субконтинент, власть над которым английская Ост-Индская торговая компания приобрела отчасти по исторически случайным (contingent) причинам в конце XVIII — первой половине XIX вв. [Chapman, 2009, Ch. 4]. Провозглашенная в 1858 г. после подавления широкого антиколониального восстания власть британской короны пришла на смену рыхлой, номинальной к тому времени империи Великих Моголов, утвердившейся на большей части Индии в начале-середине XVI в. (см: [Алаев, Вигасин, Сафронова, 2018, гл. 8]). Название «Хиндустан» или «Индостан» перекочевало в английский из персидского языка и языка урду, которые были основными средствами государственной (придворной) и общественной (судебной и воинской) коммуникации в Могольской империи.

Уголовное право на базе шариата (исламских законов, сведенных при последнем могущественном могольском правителе Аурангзебе в объемистый сборник *Fatawah-i Alamgiri*) вплоть до 1820–30-х годов оставалось основным для судопроизводства на административно подчиненной Ост-Индской компании территории. Только затем оно стало постепенно замещаться комбинацией элементов из шариата и английского обычного права, а судьи-мусульмане заменялись английскими, которым помогали знатоки шариата, именуемые *маулави* [Collins, 1988, p. 680]. После принятия в 1860 г. нового Уголовного законодательства и годом позже Кодекса ведения криминальных дел роль исламских правоведов резко снизилась. В 1864 г. был ликвидирован институт *маулави*, и британские судьи сами стали интерпретировать исламские законы [Belokrenitsky, 1993, p. 150–151].

Название Индия («Бхарат» на языке хинди) долгое время сосуществовало с термином Хиндустан (Индостан) и утвердилось в качестве основного картографического обозначения лишь ближе к концу XIX в. [Глушкова, 2016, с. 21–22]. При этом оба наименования имели политический оттенок, ассоциируясь с могольским, и шире мусульманским, периодом в истории субконтинента и с более древним, индусским [Chapman, 2009, p. 175].

Известно, что среди высших английских чиновников во второй половине XIX в. распространилась озабоченность по поводу отставания мусульман в плане приобщения к британским колониальным порядкам. Индусы и сикхи быстрее адаптировались к системе британской государственной службы, европейскому образованию и судопроизводству. Выиграв в результате удара, который колониальная администрация нанесла мусульманской верхушке как прежним носителям политической власти, индусские верхи и средние, торгово-ростовщические слои укрепили свои позиции в экономике и обществе, оттеснив мусульман на задний план (часто цитируемым признаком этой обеспокоенности служит книга крупного английского чиновника У. У. Хантера [Hunter, Reprint, 1975].

Озабоченность англичан отставанием мусульман и их более бедственным морально-материальным положением вызывалась соображениями как внутренней, так и внешней политики. Со времен Крымской войны 1853–56 гг. Англия сталкивалась с возрастающей конкуренцией со стороны России в борьбе за влияние и геополитические позиции в поясе мусульманских государственных образований, расположенных в срединной части Евразийского материка — Османской империи, Персии, Афганистане, ханствах Средней (Центральной) Азии.

Отчасти по этой причине появилась школа колониальной мысли, которая ставила во главу угла представление о неоднородности, лоскутности Индостана, сосуществовании в его рамках сильно различающихся между собой областей и районов (Дж. Стречи и др.). Причем одним из главных факторов, лежащих в основе гетерогенности субконтинента, считался религиозный, связанный в первую очередь с различиями между культурой и обычаями мусульманского меньшинства и индуистского в основе своей большинства.

С конца XIX в., не без влияния политики колониальных властей, на субконтиненте наблюдается возрождение позиций мусульманской общины. Тому непосредственно способствовала просветительская и литературная деятельность таких ее видных представителей, как Сайид Ахмад-хан, Мухаммад Икбал, основание общественных организаций мусульман, партии Всеиндийская мусульманская лига и центра высшего европейского типа образования для мусульман — университета в Алигархе [Гордон-Полонская, 1963, гл. 4 и 5].

После окончания Первой мировой войны борьба за независимость Индии вступила в завершающую фазу, что в 1930–40-е годы привело к образованию двух главных потоков в нем — общеиндийского, сложившегося на базе культуры, обычаев и верований большинства, и мусульманского. Правильнее, наверное, выделить не два, а четыре потока, коммуналистские, эксклюзивные в индуистском и исламском вариантах и национальные, инклюзивные [Ванина, 2014, с. 191]. Именно к этому времени относится, судя по всему, появление названия Южная Азия применительно к субконтиненту, известному как Хиндустан, Индостан, Индия.

Одним из первых, кто его использовал, был автор неологизма «Пакистан», проживавший в Кембридже выходец из провинции Панджаб Чаудхри Рахмат Али. Еще в начале 30-х вместе с другими обучавшимися в Кембридже индийцами-мусульманами он опубликовал памфлет, где выдвигалась идея борьбы за Пакистан, страну «чистых» (слово «так» на урду означает чистый, правверный, благочестивый), т. е. мусульман Индии. В первых памфлетах Рахмат Али и его соавторы призывали к борьбе за создание отдельного государства мусульман на северо-западе Индии, охватывающего провинцию Панджаб, Северо-западную пограничную провинцию, населенную в основном пуштунами (афганцами), провинцию Синд, отделение которой от Бомбейского президентства состоялось в 1936 г., историческую область Белуджистан, состоящую из четырех княжеств, главным из которых был Калат, небольшую главнокомиссарскую (негубернаторскую) провинцию Белуджистан, прилегающую к СЗПП и населенную в основном пуштунами, и, наконец, простирающееся на север от Панджаба высокогорное княжество Джамму и Кашмир. Отсюда другая этимология названия Пакистан, в соответствии с которой П означает Панджаб, А — «Афгания», пуштунские земли, К — Кашмир, С — Синд, стан — Белуджистан (неблагозвучный Пакстан быстро заменили на Пакистан)³. Все эти области отличались тем, что большинство жителей (от более половины в Панджабе и трех четвертей в его западной части, а также Синде и Кашмире, до 90 и более процентов в пуштунских районах и Белуджистане) состояло из мусульман [Rahmat Ali, 1933].

В 1940 г. в Кембридже вышло отдельное издание работы Ч. Рахмата Али «Пакистан: Отечество пакистанской нации». В ней, как отмечает известный историк-пакистанец А. С. Ахмед, он выдвигал идею образования не одного, а целого ряда мусульманских государственных образований. Помимо собственно Пакистана, им предполагалось создание Бангистана (Банг-и-ислам) на востоке Индии, в Бенгалии, Османистана — в центре, на территории княжества Хайдарабад, а также Мунистана, Сиддикистана, Хайдаристана, Фарукистана, Маплистана в Северной и Южной Индии. Рахмат Али выдвигал утопическую идею основания около 10 мусульманских образований в Индии и на Цейлоне, объединенных в Пакистанское содружество наций, которое мыслил как часть всемирного содружества мусульманских государств [Ahmed, 1997, р. xxvii].

Выступая последовательным противником всего общеиндийского, Рахмат Али в памфлете 1942 г. (третье издание первоначального текста 1933 г.) использовал как само собой разумеющийся термин Южная Азия вместо названия Индия [Charman, 2009, р. 161–162, 175]. «Когда

³ Есть и другие, немного отличающиеся версии значения слова «Пакистан» и составляющих его элементов. Об этом одним из первых в нашей литературе упомянул автор замечательной книги о Пакистане географ В. М. Фрилланд (см. [Фрилланд, 1968, с. 8–9]).

на текущем этапе истории Южной Азии — цитирует его Г. Чэпмен — «индианизм» под воздействием Британского империализма ... утвердил себя в 1881 г. созданием первой политической организации, он расчетливо назвал его Всеиндийский Национальный конгресс. Я говорю расчетливо, потому что благодаря малозаметному, но безошибочному следствию, вытекающему из наименования... «индианизм» обозначил как Индию всю территорию Южной Азии, включенную в состав Британской империи» [Charman, 2009, p. 161]. Чэпмен справедливо характеризует взгляды Рахмата Али как реакционный консерватизм, отмечая вместе с тем, что, используя название «Южная Азия» (не исключено, заметим, что оно было уже в ходу ко времени написания памфлета) вместо Индии, он проложил дорогу к употреблению в дальнейшем этого термина как синонима «большой Индии». Рахмат Али при этом всячески подчеркивал ее неоднородность, наличие там не только северной Индии («пояса коров») с его кастовым строем в штатах, впоследствии известных под аббревиатурой БИМАРУ (Бихар, Мадхья Прадеш, Раджастхан и Уттар Прадеш), но и других регионов, которые он считал «не-индийскими» и выступал против названий типа Всеиндийская мусульманская лига, Всеиндийская сикхская конференция и Всеиндийская раджпутская конференция [Charman, 2009, p. 161–162].

В недавней своей статье И. П. Глушкова обосновывает точку зрения, что изобретателем термина «Южная Азия» был американский профессор Норман Браун. Освещая во многом новые для нашей литературы страницы биографии санскритолога, специалиста по Древней Индии из Пенсильванского университета, она пишет... «с 1947 г. сообразуясь с деколонизацией Индостана, Браун предлагает новое обозначение для референта, на котором сфокусировано его внимание — Южную (south Asia, Southern Asia и, наконец, South Asia) Азию» [Глушкова, 2022, с. 226]. Не отрицая роли Н. Брауна в утверждении концепта South Asia в академической и практической сферах США, следует заметить, что честь изобретения термина вряд ли может быть закреплена за ним. Это с очевидностью следует из предшествующего рассказа о трудах С. Рахмата Али (а возможно, и его предшественников), хотя американское употребление термина, широкое распространение академических трудов о Южной Азии в Америке, безусловно, сказалось на популярности названия.

Между тем в английской традиции и после окончания колониального правления в августе 1947 г. сохранялось наименование «Индостан», «Индия», «Индийский субконтинент». В колониальный период довольно распространенным было также обозначение Индии как Востока (East). Оно, по всей видимости, было связано с названием Ост-Индской компании (East India Company), долгое время осуществлявшей непосредственное владение колонией⁴. Англичане и после ухода из Индии продолжали, как правило, называть территорию своей бывшей колонии субконтинентом, переименовав его в Индо-пакистанский. Кроме того, в языке английской политической науки распространенным оставалось обозначение субконтинента и полуострова Индостан как Southern Asia. Полные права гражданства термин Южная Азия получил лишь после распада в 1971 г. первого, единого или двукрылого Пакистана, на Бангладеш и Пакистан в современных границах.

Первый Пакистан — часть Южной Азии

В коллизии государства и региона помимо географической, физической близости большее значение имеет культурно-психологическое измерение, иначе говоря, культура населения

⁴ В качестве примера можно привести воспоминания У. Черчилля, который молодым журналистом отправлялся в Индию в самом конце XIX в. для освещения операций англо-индийских частей против восставших пуштунгов в горах крайнего северо-запада Индии. Провожавшие его старожилы аристократического Лондона говорили, что он «едет на Восток» (to the East) [Churchill, 1974, p. 107, 128].

и состояние общественного мнения в стране. Идея Пакистана первоначально предполагала создание государства, находящегося в добрососедских, дружественных отношениях с Индией. Таким, видимо, рисовалось будущее двух государств «отцу-основателю» Пакистана — лидеру партии Всеиндийская мусульманская лига Мухаммаду Али Джинне. Впрочем, каких-либо публичных высказываний на этот счет у него нет, что можно объяснить остротой борьбы за фактическое отделение Пакистана от Индии (см. [Москаленко, 1980, с. 3–17]). Вместе с тем широко известна тирада М. А. Джинны, произнесенная им в Учредительном собрании Пакистана накануне предоставления ему статуса доминиона 11 августа 1947 г. Смысл ее заключался в отрицании исламского характера создаваемого государства, в провозглашении свободы вероисповедания, равенства представителей различных конфессий перед законом и, следовательно, возможности мирно сосуществовать двум странам с преимущественно мусульманским и немусульманским населением. Характерно, что, хотя конфликт между двумя доминионами возник по существу еще до их образования, а кровавые межкоммуналистские столкновения разразились в Бенгалии и к западу от нее в августе 1946 г., а в Панджабе — в марте 1947 г., «Великий вождь» (*Кваид-и-азам*), как с пietetом называли Джинну еще с первой половины 40-х годов, уделял в публичных выступлениях мало внимания отношениям с Индией. Почти не упоминается в собрании его речей и проблема Кашмира, хотя понятно, что вплоть до своей смерти в сентябре 1948 г. он принимал все принципиально важные решения и по этому ключевому вопросу внешней политики нового государства [Quaid-i-Azam, s. a.].

После смерти Джинны отношения с Индией еще более ухудшились. При облачившемся в тогу персоналистской власти премьер-министре Лиакат Али Хане начался дрейф доминиона в сторону исламской республики, а экономические связи между Карачи и Нью-Дели оборвались осенью 1949 г. Тогда Пакистан отказался девальвировать свою валюту вслед за девальвацией на 143% фунта стерлинга по отношению к доллару. Индия, последовавшая примеру бывшей метрополии, была возмущена отказом Пакистана, хотя тот действовал из прагматических соображений. Основными экспортными товарами для него были сырой джут и хлопок, обладавшие устойчивым спросом на мировом рынке. Доходы пакистанской казны выросли, особенно после начала летом 1950 г. Корейской войны, сопровождавшейся всплеском цен на технические культуры.

Разность между курсом пакистанской и индийской рупии привела к перенаправлению джута-сырца с Индии на другие страны. Джутовые фабрики Калькутты и всей Западной (индийской) Бенгалии остались без сырья. Затронутые этим фабриканты и представители их торгово-посреднической сети, городские купцы и торговцы во избежание худшего стали переезжать из Восточной в Западную Бенгалию. В конце 1949 – начале 1950 гг. порядка одного-двух миллионов индусов покинули пакистанскую территорию в обстановке межобщинной напряженности, вражды и столкновений. Ситуацию помог стабилизировать визит пакистанского премьера Лиаката Али в индийскую столицу в апреле 1950 г., его переговоры с Дж. Неру и заключение пакта о взаимном соблюдении прав меньшинств [Белокреницкий, Москаленко, 2008, с. 95–96].

Напряженность в отношениях между двумя новыми суверенными соседями сохранялась и в дальнейшем в первую очередь из-за нерешенности проблемы принадлежности бывшего княжества Джамму и Кашмир, развернувшихся там в 1947 и 1948 гг. военных действий, а также острых коллизий по поводу раздела воды, необходимой для земледелия в Западном Пакистане. Отношения улучшились в конце 50-х – начале 60-х годов, и стороны заключили взаимовыгодный договор о разделе вод Инда⁵.

⁵ О нем в нашей литературе см., напр.: [Ярковая, 1970, с. 280–287].

Однако с 1962 г. после поражения Индии в пограничной войне с Китаем двусторонние связи вступили в полосу кризиса. По инициативе Пакистана, стремившегося воспользоваться предполагаемой военно-политической слабостью соседа, началась вторая, куда более кровопролитная, чем первая, война из-за Кашмира. Она закончилась на поле боя ничейным результатом, который обернулся в конце концов проигрышем для инициатора конфликта. В 1969 г. власть военных во главе с фельдмаршалом М. Айюб Ханом пошатнулась, сменивший его на посту президента генерал А. М. Яхья Хан пошел на проведение выборов в декабре 1970 г., чем привел в движение механизм распада страны на Бангладеш и Пакистан в современных границах (см. [Белокреницкий, 2022, с. 38–53]). Раздел Пакистана стал неизбежен по итогам третьей войны между Пакистаном и Индией в ноябре-декабре 1971 г., которая была самой масштабной, охватившей как восточный, так и западный фланги боевого соприкосновения сторон. Потерпев поражение на всех фронтах, в том числе на линии прекращения огня в Кашмире, руководство Пакистана в лице президента З. А. Бхутто, гражданского лица, поставленного у власти военными, было вынуждено подписать мирное соглашение в Симле (Индия), в соответствии с которым обязалось решать споры между двумя государствами, включая Кашмирский, путем двусторонних, без участия внешних посредников и международного сообщества, переговоров.

Если рассматривать первый этап существования Пакистана с позиции его принадлежности Южной Азии, то можно сказать, что она была почти полной. Созданная в 1947 г. страна как бы обрамляла Индию с двух сторон и была тесно связана с ней исторически, культурно и геополитически. Существовали, однако, различия во внешнеполитической сфере на региональном и глобальном уровнях.

Пакистан с самого начала заявлял о себе как о стране, принадлежащей мусульманскому миру. Это направление было долгое время основным с регионально-политической точки зрения. Причем основателем его надо считать не столько Джинну, сколько Лиаката Али. Именно при нем четко обозначился курс на разыгрывание исламской карты и попытка установления тесных контактов с королевским Египтом, лидером тогдашнего Ближнего и Среднего Востока, и другими арабскими государствами, которые Пакистан поддерживал в противостоянии с Израилем. Знаменательно в связи с этим зарубежное турне, которое совершил осенью 1949 г. председатель Всепакистанской мусульманской лиги (бывшей Всеиндийской) Ч. Халикуззаман. Во время посещения ключевых стран Арабского Востока он пропагандировал идею «Исламистана», политико-оборонительного блока исламских государств. В конце 1940-х — начале 1950-х годов Пакистан организовал у себя и принял участие в ряде конференций исламского сообщества. В феврале 1951 г., выступая на открытии в Карачи четвертой Международной мусульманской конференции (*Мотамар-е-алам-е-ислами*), премьер Пакистана заявил, в частности, что «кардинальная черта пакистанской идеологии состоит в том, чтобы сделать реальностью мусульманское братство», сблизить между собой и укрепить сотрудничество мусульманских стран [Белокреницкий, Москаленко, 2008, с. 99; Burke, 1974, p. 135–137].

Однако к концу первой трети 1950-х гг. такая направленность внешней политики ослабла. Этому способствовали как внутривосточные подвижки (ослабление позиций Мусульманской лиги, антигосударственная деятельность исламистских партий и организаций, прежде всего «Джамаат-и-ислами» во главе с известным проповедником радикальной идеологии А. А. Маудуди), так и внешнеполитические сдвиги — подъем социалистической, леводемократической волны, охвативший государства Ближнего и Среднего Востока, приход к власти сначала в Египте, потом в Сирии и Ираке антимоноархических сил и военных элит, избравших ориентацию, особенно после Суэцкого кризиса 1956 г., не на Запад, а на Советский Союз.

Королевство Саудовская Аравия при короле Сауде играло в целом скромную роль в мировых делах, и новый всплеск интереса Пакистана к ориентации на исламский мир произошел только в конце 1960-х годов.

Что касается глобального изменения пакистанского внешнеполитического курса, то некоторые драматические перемены тоже в основном наблюдались лишь в первые 6–8 лет его существования. Узкий круг лиц, управляющих внутренними и внешними делами Пакистана, придерживался курса на сохранение тесных связей с бывшей метрополией, но ослабление английских позиций в мире, и в частности на Ближнем и Среднем Востоке, вызвало в 1949–51 гг. некоторое брожение в их рядах. Хорошо известен факт согласия Liaqat Ali летом 1949 г. посетить Москву по приглашению Сталина [Malik, 1994, p. 42–44]. Визит по ряду причин не состоялся, а даже если бы и состоялся, то вряд ли изменил ориентацию Пакистана на западный блок в холодной войне. Для Москвы, как и для Карачи, попытка сближения имела, по нашему мнению, характер зондажа. Внутриполитические события в Пакистане (раскрытие в начале 1951 г. «прокоммунистического заговора», а также убийство Liaqat Ali Хана осенью того же года) ускорили и закрепили переход пакистанской элиты к максимальному расширению связей с США, происходившему с согласия Великобритании. Между тем вступление Пакистана в блок СЕАТО в 1954 г. и в Багдадский пакт в следующем году не явилось препятствием для его участия в Конференции афро-азиатских стран в Бандунге (Индонезия) в апреле 1956 г. Более того, в конце 1950-х — начале 1960-х годов, как отмечалось выше, курсы Пакистана и Индии сближаются, но не совпадают, причем в основном по инициативе последней⁶.

В целом расхождения в глобально-политическом плане между Пакистаном на первом этапе его существования и Индией не были абсолютными. Индия с начала 1960-х годов сделала выбор в пользу усиления военно-политических связей с СССР, но никогда не изменяла принципу неприсоединения к блокам. Пакистан в вопросах вооружения и обучения своих вооруженных сил сделал ставку на США и страны НАТО, включая особенно Турцию, но стремился сохранять и развивать разнообразные связи с СССР, в том числе в экономической и военно-технической областях. Таким образом, ни региональные, ни глобальные особенности внешнеполитического курса Пакистана на первом этапе его развития не выходили за рамки Южноазиатского региона.

Второй Пакистан: на стыке регионов

Иными представляются геополитическое положение и внешнеполитическая ориентация государства после того, как оно лишилось восточнобенгальского «филиала». Если при наличии двух «крыльев» страна напоминала птицу, распластавшуюся над субконтинентом⁷, то после возникновения Бангладеш на месте Восточного Пакистана связь с Индостаном обрела иной характер. Бывший Западный Пакистан, превратившись в Пакистан, стал небольшой по площади страной (0,8 млн кв. км) на северо-западной окраине большого индийского массива (3,3 млн кв. км). Появление нового Пакистана совпало по времени с крупными переменами на Ближнем Востоке. Пакистан уже в конце 1960-х гг. подключился к реализации исламского проекта консолидации сил в условиях, возникших после неудачной для Египта войны с Израилем

⁶ Премьер-министр Индии Дж. Неру отказался от предложения президента Пакистана Айюб Хана принять участие в планах по совместной обороне субконтинента [Белокреницкий, Москаленко, Шаумян, 2003, с. 50, 88–89].

⁷ Осенью 1967 г. автор этой статьи летал на самолете над Индией из Западного Пакистана в Восточный и обратно, причем вопрос о безопасности даже не вставал.

в 1967 г. и обострения ситуации в Палестине (поджог мечети аль-Акса в Иерусалиме). Он был одной из 25 стран (среди них немногих неарабских), принявших участие в первой конференции мусульманских государств в Рабате (Марокко) в сентябре 1969 г. При президенте, а потом премьер-министре Пакистана З. А. Бхутто внимание к ситуации на Ближнем Востоке многократно усилилось, и в феврале 1974 г. на пакистанской земле прошел второй саммит мусульманских государств.

Вторая встреча в верхах Организации Исламской конференции (в 2011 г. переименована в Организацию Исламского сотрудничества) увенчалась крупным успехом пакистанской дипломатии и лично Зульфикара Али Бхутто. Накануне саммита он объявил о признании Пакистаном Народной Республики Бангладеш и дружески принял как своего гостя ее главу М. Рахмана. Число участников встречи выросло до 37⁸, а среди глав государств и правительств были приверженцы как консервативных взглядов, так и популистских, ярким представителем которых являлся лидер Ливийской Джамахирии М. Каддафи. Главной же финансовой опорой для Пакистана становилась Саудовская Аравия при короле Фейсале, хотя Бхутто активно маневрировал, стремясь получить моральную и материальную поддержку и от других государств в трудных условиях после проведения им серии социальных реформ и преобразований.

Можно считать, что Пакистану в первые годы существования в уменьшенном, но территориально компактном виде удалось добиться приличной компенсации за потери в ходе войны с Индией 1971 г. Он обрел новое место в геополитическом раскладе сил и сумел вновь встать на одну доску с Индией в дипломатическом и военно-политическом противостоянии, добавив к положению второго после Индии государства Южной Азии статус одного из лидеров богатого нефтью исламского мира. В географическом плане он сблизился с Ближним и Средним Востоком, установив воздушное сообщение с Джиддой, Дубаем и Абу-Даби, куда и направились именно в это время первые потоки трудовых мигрантов, а также привлеченные высокими зарплатами офицеры пакистанских вооруженных сил, прежде всего пилоты ВВС [Белокреницкий, Москаленко, Шаумян, 2003, с. 102–103, 116–117].

Десятилетие 70-х годов прошлого столетия было богатым на внутривосточные катаклизмы в Южной Азии и в ареале, примыкающем к ней с запада. В августе 1975 г. погиб в ходе военного мятежа Муджибур Рахман. В марте 1977 г. после двух лет чрезвычайного положения Индийский национальный конгресс впервые потерпел поражение на выборах, но вернул себе положение правящей партии в январе 1980 г. В Афганистане в 1973 г. на смену королю Захир Шаху пришел его кузен Дауд Хан, провозгласивший замену монархического строя на республиканский. В Иране в 1978–79 гг. произошла исламская революция, шах Ирана бежал из страны, уступив место ее руководителю религиозному лидеру имаму Хомейни. Черда перемен не обошла стороной и Пакистан. В июле 1977 г. военные взяли власть в стране, отстранив, а в апреле 1979 г. казнив З. А. Бхутто.

Социальные преобразования, начатые правительством последнего, были повернуты вспять военным режимом генерала М. Зия-уль-Хака, но ориентация на исламский мир, на Ближний и Средний Восток не только сохранилась, но и усилилась. И не удивительно, поскольку военные для оправдания переворота и усиления своих позиций стали проводить политику исламизации всех сторон жизни общества. Неожиданный, во многом случайный успех в развертывании военной ядерной программы сопровождался опасениями в мире по поводу создания Пакистаном «исламской бомбы» [Сотников, 2003, с. 101–106].

⁸ Ныне в ОИС 57 членов.

Вместе с тем и связи с регионом Южной Азии сохранили для Пакистана огромное значение. Его ядерная программа была ответом на индийскую, заявившую о себе испытанием в мае 1974 г. ядерного устройства. Другое обстоятельство состояло в сепаратистском движении среди сикхов, взятии индийскими войсками летом 1984 г. оплота сепаратистов, Золотого храма, в городе Амритсар, находящемся близ границ с Пакистаном, и мести сикхов, которые осенью того года убили И. Ганди. При всех старых счетах у мусульман с сикхами Зия-уль-Хак не мог удержаться от того, чтобы предоставить убежище некоторым из участников движения за Халистан (страну сикхов), хотя и всячески скрывал этот факт [Бельский, Фурман, 1992, с. 86—89].

Помимо негативных моментов в Южной Азии в 1980-е гг. нарастали и позитивные (см. [Muni, Muni, 1984]). По инициативе президента Бангладеш генерала З. Рахмана и короля Непала Бирендры с начала десятилетия семь государств региона (Индия, Пакистан, Бангладеш, Непал, Бутан, Шри Ланка и Мальдивы) приступили к консультациям по созданию региональной организации сотрудничества. В 1985 г. в Дакке состоялся первый саммит СААРК (South Asian Association for Regional Cooperation). Апофеозом ежегодных на первых порах встреч в верхах надо считать четвертую в Исламабаде в декабре 1988 г. Делегацию Индии на ней возглавлял сын Индиры Ганди премьер-министр Раджив Ганди, а пакистанскую — дочь З. А. Бхутто Беназир Бхутто, ставшая главой правительства по итогам выборов в ноябре того года после гибели Зия-уль-Хака в авиакатастрофе. От того саммита до сих пор остается договоренность между Пакистаном и Индией о взаимном ненападении на ядерные объекты и об обмене в конце каждого года информацией о них. [Белокреницкий, Москаленко, 2008, с. 357—358].

Вместе с тем уже в 1980-х гг., как представляется, стала формироваться некая межумочность, пограничность геополитического положения Пакистана. С востока его подпирала Индия, с которой он был связан с момента рождения и возникновения спора по поводу государственной принадлежности бывшего княжества Джамму и Кашмир. С запада он был открыт Афганистану, который затягивал его в свою «воронку». Участие пакистанского военного режима в войне против сил Народно-Демократической Республики Афганистан и советских войск (ОКСВ) принесло Исламабаду, как это говорят, «в моменте», большие выгоды (поступившие финансовые потоки на военные и экономические цели превысили 5 млрд долл. США (далее — долл.), но за это пришлось в последующем серьезно расплачиваться.

В начале 1990-х гг., после вывода ОКСВ из Афганистана и распада СССР, Вашингтон по существу бросил Пакистан на произвол судьбы, отказавшись от предоставления ему уже обещанной помощи и потребовав уплаты денег за вооружение, которое обещал, но отказался предоставить. В чем состоял расчет Вашингтона, сказать сложно. Не исключено, что это была первая в череде ошибок, допущенных крупнейшей страной мира после окончания холодной войны. Исламабад усугубил ситуацию, понадеявшись на свои силы в решении внутренних афганских проблем.

В результате, в то время как Индия в 1990-х гг. приступила к проведению грамотных и удачных реформ по либерализации экономики и усилению своих экспортных возможностей, а за ней вскоре последовала Республика Бангладеш, Пакистан «застрял» на том этапе социально-экономического развития, который никак не подходил для новых времен. Его поразили вирусы коррупции, консервативной социальной политики, милитаризации и решающего воздействия военных элит.

С начала текущего столетия Индия твердо встала на путь превращения в одну из мировых держав, освободившись в основном от комплекса зависимости от Пакистана как младшего, но благодаря ядерному оружию в большой степени равного себе партнера. Этому способствовал не сразу пришедший к ней успех в разрешении острого кризиса в долине Кашмира. Силой

подавив возникшее на рубеже 1980–90-х годов восстание кашмирских сепаратистов и пропакитански настроенных боевиков, Нью-Дели долгое время считался с остротой ситуации в штате Джамму и Кашмир, единственном в стране, где мусульмане составляли большинство. Поддержка Исламабадом террористических действий исламистов преобразовалась в развязанную пакистанской армией «войну в горах» в мае-июле 1999 г., из которой Индия вышла победительницей. Военные успехи укрепили позиции умеренно коммуналистской, особенно на первых порах, Индийской народной партии (Бхаратия джаната партии). Добившись успеха в 1998 и 1999 гг., а затем победив на парламентских выборах 2014 и 2019 гг., БДП отказалась от поиска компромисса с ослабевшим Пакистаном по Кашмирскому и другим спорным вопросам.

В 2016 г. индийский лидер Н. Моди под предлогом террористических угроз для Индии со стороны Пакистана отказался поехать в Исламабад для участия в очередном саммите СААРК. Деятельность длительное время пребывавшей в полуживом состоянии организации была полностью заморожена, а Пакистан оказался по сути отлученным от процессов, происходящих в Южной Азии. В августе 2019 г. Нью-Дели приступил к решению Кашмирской проблемы на своих условиях. Индийский парламент принял решение о ликвидации штата Джамму и Кашмир и образовании на его месте двух союзных территорий — Джамму и Кашмира и Ладакха. Пакистан выступил с протестами и всеми силами поддерживал состояние кризиса и неопределенности, воцарившееся в бывшем штате, но успеха не добился. То обстоятельство, что Индия и Пакистан имеют в современном мире разные весовые категории, не дало последнему возможности мобилизовать мировое общественное мнение в защиту прав кашмирцев Индии. Даже мусульманские государства, в том числе такие как Саудовская Аравия, предпочитают, соглашаясь на словах с Пакистаном и участвуя вместе с ним в некоторых акциях в защиту Кашмира, укреплять и расширять политические и экономические взаимосвязи с Индией.

Лимитрофность (огражденность) Пакистана по отношению к Индии дополнилась его превращением в транзитную зону. Оно дало о себе знать с появлением в начале нынешнего века двух мощных центров глобального и регионального влияния — Китайской Народной Республики и арабских государств Ближнего и Среднего Востока. В 2000-х годах на возможности, которые мог иметь для него Пакистан, обратил внимание Пекин. При китайской финансовой и технической помощи началось сооружение глубоководного порта Гвадар на Аравийском море недалеко от входа в Ормузский пролив и от границы с Ираном. Успешно завершив строительство первых причалов для судов с большой грузоподъемностью в 2002–2007 гг., Китай сократил масштабы своего экономического присутствия в Пакистане ввиду острого внутривосточного кризиса в стране, сопровождавшегося диверсиями против работавшего там китайского персонала. К этому добавились мировой экономический кризис 2008–09 гг. и упорная борьба на северо-западе страны пакистанских армейских подразделений с исламистскими экстремистами из Техрик-е Талибан Пакистан (Пакистанского движения Талибан) в 2007–2010 г.

Лишь в 2013 г. руководство Китая смогло вновь вернуться к обсуждению планов масштабного инвестирования в пакистанскую экономику. Через два года правительствами двух государств было подписано соглашение о Китайско-пакистанском экономическом коридоре. Первоначально размеры инвестиций в различные объекты на территории Пакистана оценивались в 46 млрд долл, затем увеличились до 62 млрд [Каменев, 2019, с. 132]. Главными среди проектов были продолжение строительства порта Гвадар, сооружение высокоскоростных шоссейных дорог, увеличение энергетических мощностей, совершенствование инфраструктуры. С 2018 г. реализация программ КПЭЖ замедлилась, причем главным образом по вине Пакистана, вновь вступившего в полосу внутривосточной нестабильности. По последним оценкам, Китай инвестировал в Пакистан

примерно 25 млрд долл., став на данном этапе главным источником прямых иностранных инвестиций в его экономику⁹.

С точки зрения геополитической принадлежности акцент на экономическом взаимодействии с Китаем одновременно и привязывает Исламабад к Южной Азии, и освобождает его от тесной взаимосвязи с регионом, главным воплощением которого является Индия. Ее сложные отношения с Китаем, сочетающие прочные и растущие торгово-экономические связи с происходящими время от времени вооруженными столкновениями на границе, делают Пакистан одной из сторон треугольника, где ему отводится роль «спойлера», будирующего проблему Кашмира, и разменной монеты, поскольку Индия может придавать большее или меньшее значение нарушению Китаем ее претензий на область Гилгит–Балтистан (часть бывшего княжества Джамму и Кашмир), по которой проложено Каракорумское шоссе, соединяющее Китайский Синьцзян с северо-западом Пакистана.

Географо-политическая промежуточность и одновременно транзитность Пакистана усиливает отмеченный выше другой центр силы и влияния — арабские государства Аравии и Залива, прежде всего Королевство Саудовской Аравии и Объединенные Арабские Эмираты. Они образуют основу второй опоры условного «подвесного моста», который ныне поддерживает экономику Пакистана. Помимо этих двух, страна «висит» и на третьей, удаленной опоре в виде США и контролируемых ими международных финансовых институтов¹⁰.

Характерно, что не меньше чем экономически Пакистан зависит от Ближнего Востока политически. Воздействие КСА и ОАЭ на внутреннюю ситуацию и внешнюю политику Исламской Республики Пакистан трудно переоценить. Многие кардинально значимые внутривластные решения принимались Исламабадом по совету и под давлением из Эр-Рияда¹¹. Ряд важнейших внутривластных коллизий, таких, например, как освобождение смещенного с поста премьера Н. Шарифа от пожизненного заключения в 2000 г., завершился благодаря заступничеству Саудовской Аравии. Да и в целом едва ли какие внутривластные разборки в Пакистане решаются без участия арабских монархических элит. Скрытые от глаз, десятилетиями сохраняются наработанные «династийные» обязательства солидарности и вражды.

Экономические позиции арабского центра регионального влияния особенно усилились в конце 2010-х — начале 2020-х гг. Не вдаваясь в рассмотрение всех причин этого, отметим, что

⁹ Одновременно с этим быстро возросла доля Китая в огромном внешнем долге Пакистана, до примерно трети из свыше 100 млрд долл. [Ali, 2023].

¹⁰ Это четко проявилось в ходе экономического и внутривластного кризиса 2022–23 гг. МВФ долгое время отказывался продолжить предоставление Пакистану кредитной помощи в рамках договоренности, достигнутой в 2019 г. Колебания Исламабада во внешнеполитической области (позиция по СВО России на Украине) дополнились отсутствием достаточного прогресса в выполнении условий, которые чиновники ведущей мировой кредитующей организации предъявляли властям Пакистана. Переговоры с МВФ оказались прерванными в ноябре 2022 г. и возобновились только в феврале 2023 г. Характерно, что МВФ потребовал не только повышения эффективности работы госпредприятий, всей системы управления экономикой и валютно-финансовой сферы, но и гарантий кредитоспособности страны в виде обещаний от ее партнеров и друзей в предоставлении займов на двусторонней основе. После длительного торга Исламабад пошел на удовлетворение всех основных требований МВФ и объявил, что заручился согласием КНР оказать ему помощь в 5 млрд долл. и заверением Саудовской Аравии и ОАЭ предоставить соответственно 2 и 1 млрд долл. Только после этого в последний момент МВФ объявил о готовности выделить спасающий Пакистан от банкротства заем в 3 млрд долл. *Reuters*. Pakistan, IMF reach staff-level pact on crucial \$3billion bailout. *The Express Tribune*, June 30, 2023 // tribune.com.pk/story/2424156/pakistan-imf-reach-staff-level-pact-on-crucial-3billion-baiout (дата обращения: 30.06.2023). *Reuters*. IMF board approves critical 3 bn loan for Pakistan. *Dawn*, July 12, 2023 // dawn.com/news/1764298/imf-board-approves-critical-3bn-loan-for-pakistan (дата обращения: 12.07.2023).

¹¹ Так, знаковое решение правительства З. А. Бхутто и руководимого им парламента об отлучении общины верующих в Аллаха ахмадийцев от ислама принималось в 1974 г., как утверждает А. Джала, под прямым воздействием короля Фейсала и его приближенных [Jalal, 2014, p. 203–204].

главной, по-видимому, была активизация международной деятельности монархических режимов после прихода к власти в них представителей молодого поколения правителей, в первую очередь наследного принца Саудовской Аравии Мухаммеда бин Салмана. Отношения между пакистанской правящей элитой и арабскими верхами развивались при этом не всегда ровно. В 2021 г. Эр-Рияд отказался от данных им обещаний предоставить Исламабаду помощь в 3 млрд долл., но затем вернулся к политике содействия и поддержки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращаясь к заглавию статьи, следует отметить, что на вопрос о геополитической принадлежности Пакистана нельзя дать в полной мере однозначного ответа. С одной стороны, он, безусловно, принадлежит Южной Азии, этнокультурно близок Индии, большинство его жителей (примерно три четверти) говорят на языках (панджаби, синдхи, урду и др.), родственных основным индийским. Сближают две страны также демографические и экологические условия — высокая плотность населения и зависимость от искусственного орошения. С другой стороны, Пакистан примыкает к обширному и аморфному Ближнему и Среднему Востоку, непосредственно контактируя с ним на этническом уровне через пуштунов и белуджей. При этом с точки зрения первого региона и его сердцевины, Республики Индия, Пакистан является ее лимитрофом, если использовать термин В. А. Цымбурского, возрожденный им к жизни для описания окраин Российской Федерации (см: [Цымбурский, 2007]).

В той же роли пограничного, рубежного государства Исламская Республика выступает и в композиционной структуре широтного пояса Ближнесредневосточных стран. Пакистан замыкает собой на востоке ареал тропических и субтропических земель, которые географы называют иногда Афразией. В конфессиональном плане регион состоит из государств с мусульманским большинством. Сплошное исламское пространство как бы заканчивается на Пакистане, поскольку бассейн Инда, служащий его географической платформой, вплотную примыкает к Ближнему и Среднему Востоку и по суше (Иранское нагорье, отроги Гиндукуша), и по морю (Аравийское море, Ормузский пролив).

Пограничность характеризует и соседний с Пакистаном Афганистан, что отразилось, кстати, в номенклатуре, которую с недавних пор использует МВФ. В своих документах он выделяет расширенный регион MENAP наряду с MENA, куда включает не только государства БСВ и Северной Африки, но и Афганистан с Пакистаном. Представляется, что весь ареал Аф-Пак (Афганистан–Пакистан) можно считать большим лимитрофом или буфером между исламским по преимуществу БСВ и индусской с цивилизационной, культурно-религиозной точки зрения Южной Азией.

Стоит, кстати, заметить, что значение узких, геоморфологически хорошо очерченных регионов, подобных Южной Азии, в современном мире, по всей видимости, снижается, и более значимыми становятся большие региональные ассоциации типа Шанхайской Организации Сотрудничества, куда входят и Индия, и Пакистан.

Что касается геополитических и геоэкономических перспектив Исламской Республики Пакистан, то они в благоприятном случае лежат в плоскости усиления его роли моста, транзитной зоны, соединяющей Китай и арабский мир и открывающей путь к мировому океану для Афганистана, республик Центральной Азии и России. Особенности местоположения могут стать и ресурсом, и препятствием для развития в зависимости от сочетания множества причин и факторов, воздействующих на внутреннее состояние страны и положение по периметру ее границ.

Литература/ References

- Алаев Л. Б., Вигасин А. А., Сафронова А. Л. *История Индии*. М., 2018 [Alayev L. B., Vigin A. A., Safronova A. L. *History of India*. Moscow, 2018 (in Russian)].
- Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. *История Пакистана XX век*. М., 2008 [Belokrenitsky V. Y., Moskalenko V. N. *History of Pakistan 20th Century*. Moscow, 2008 (in Russian)].
- Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л. *Южная Азия в мировой политике*. М., 2003 [Belokrenitsky V. Y., Moskalenko V. N. Shaumian T. L. *South Asia in World Politics*. Moscow, 2003 (in Russian)].
- Белокреницкий В. Я. Распад Пакистана в 1971 г.: глубинные факторы и непосредственные причины. *События 1971 г. и новый международный порядок в Южной Азии. Взгляд через полвека*. М.: ИВ РАН, 2022 [Belokrenitsky V. Y. The split of Pakistan in 1971: deep-rooted factors and immediate reasons. *Events of 1971 and New International Order in South Asia. A View After Half a Century*. Moscow, 2022 (in Russian)].
- Бельский А. Г., Фурман Д. Е. *Сикхи и индусы. Религия, политика и терроризм*. М., 1992 [Bel'sky A.G., Furman D. E. *Sikhs and Hindus. Religion, Politics and Terrorism*. Moscow, 1992 (in Russian)].
- Ванина Е. Ю. *Индия: история в истории*. М., 2014 [Vanina E. Y. *India: History inside History*. Moscow, 2014 (in Russian)].
- Глушкова И. О проекте «Под небом Южной Азии». Концептуализация пространственных сегментов в контексте политической и культурной территориальности. Прошлое, настоящее и будущее. Под небом Южной Азии. *Территория и принадлежность. Геополитическое конструирование и субъективность восприятия обитаемых пространств*. Рук. проекта И. П. Глушкова. Отв. ред. А. В. Бочковская. М., 2016. С. 8–31 [Glushkova I. About the project 'Under the Skies of South Asia'. Conceptualizing space segments in the context of political and cultural territoriality. Past, present and future. I. P. Glushkova (gen. ed.), A. V. Bochkovskaya (ed.). *Under the Skies of South Asia. Territory and Belonging. Geopolitical Constructions, Human Agency and the Perception of Places*. Moscow, 2016. Pp. 8–31 (in Russian)].
- Глушкова И. П. «Южная Азия»: монтаж и демонтаж пространств и институций. Часть 1. *Восток (Oriens)*. 2023. № 2. С. 223–235 [Glushkova I. P. 'South Asia': Construction and Deconstruction of Spaces and Institutions Part 1. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 2. Pp. 223–235 (in Russian)].
- Гордон-Полонская Л. Р. *Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана*. М., 1963 [Gordon-Polonskaya L. R. *Muslim Trends in Social Discourse of India and Pakistan*. Moscow, 1963 (in Russian)].
- Каменев С. Н. *История экономических процессов в Пакистане (XX–XXI вв.)*. М., 2019 [Kamenev S. N. *History of Economic Processes in Pakistan. 20th–21st Centuries*. Moscow, 2019 (in Russian)].
- Москаленко В. Н. М. А. Джинна об основных направлениях деятельности пакистанского государства. *Страны Среднего Востока (история, экономика, культура)*. М., 1980 [Moskalenko V. N. M. A. Jinnah on the main directions of Pakistan's government activity. *Countries of Middle East (history, economics, culture)*. Moscow, 1980 (in Russian)].
- Сотников В. И. *Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях*. М., 2003 [Sotnikov V. I. *Nuclear Problem in India-Pakistan Relations*. Moscow, 2003 (in Russian)].
- Фридланд В. М. *Между Гималаями и Аравийским морем*. М., 1968 [Fridland V. M. *Between Himalayas and Arabian Sea*. Moscow, 1968 (in Russian)].
- Цымбурский В. Л. *Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006*. М., 2007 [Tsyumbursky V. L. *Island of Russia. Geopolitical and Chronopolitical Works. 1993–2006*. Moscow, 2007 (in Russian)].
- Ярковая С. С. Проблема раздела вод Инда между Индией и Пакистаном. *Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. История, экономика*. М.: Наука, 1970 [Yarkovaya S. S. Problem of dividing Indus water between India and Pakistan. *Countries of Far East and South-Eastern Asia. History, economics*. Moscow, 1970 (in Russian)].
- Ahmed A. S. *Jinnah, Pakistan and the Islamic Identity. The Search for Saladin*. London and New York, 1997.
- Belokrenitsky V. Ya. *Islam and the State in Pakistan. Russia's Muslim Frontiers. New Directions in Cross-Cultural Analysis*. Ed. D. F. Eickelman. Bloomington and Indianapolis, 1993. Pp. 149–159.

- Burke S. M. *Mainsprings of Indian and Pakistani Foreign Policy*. Minneapolis, 1974.
- Chapman G. P. *The Geopolitics of South Asia. From Early Empires to Nuclear Age*. Farnham: Amazon Kindle Edition, 2009.
- Churchill S. W. *My Early Life 1874–1908*. Glasgow, 1974.
- Collins D. P. Islamization of Pakistani Law. *The Oxford History of India*. 4th edition. Delhi, 1988.
- Hunter W. W. *The Indian Mussulmans*. Reprint. Calcutta, 1975.
- Jalal A. *The Struggle for Pakistan. A Muslim Homeland and Global Politics*. Cambridge (Mass): Amazon Kindle Edition, 2014.
- Malik H. *Soviet-Pakistani Relations and Post-Soviet Dynamics*. London, 1994.
- Muni S. D., Muni A. *Regional Cooperation in South Asia*. New Delhi, 1984.
- Quaid-i-Azam M. A. Jinnah. *Speeches as Governor-General of Pakistan, 1947–1948*. Karachi, s. a.

Электронные издания/Electronic sources

- Ali S. M. Is Pakistan a victim of debt diplomacy. The Express tribune, June 09, 2023//tribune.com.pk/story/2420784/is-pakistan-a-victim-of-debt-diplomacy (дата обращения: 09.06.2023).
- Rahmat Ali C. Now Or Never. Are We to Live or Perish for Ever? Pamphlet dated 28th January 1933 [<http://www.columbia.edu/etc/mealac/pritchett//islamlinks/txt-rahnatal>] (дата обращения: 05.03.2015).
- Reuters. IMF board approves critical 3 bn loan for Pakistan. Dawn, July 12, 2023//dawn.com/news/1764298/imf-board-approves-critical-3bn-loan-for-pakistan (дата обращения: 12.07.2023).
- Reuters. Pakistan, IMF reach staff-level pact on crucial \$3 billion bailout. The Express Tribune, June 30, 2023 // tribune.com.pk/story/2424156/pakistan-imf-reach-staff-level — pact-on-crucial-3illiom-baiout (дата обращения: 30.06.2023).